

G. KARLSSON. IDÉOLOGIE ET CÉRÉMONIAL DANS L'ÉPISTOLOGRAPHIE
BYZANTINE.

Uppsala, 1962, p. 157.

H. HUNGER. PROOIMION. ELEMENTE DER BYZANTINISCHEN KAISERIDEE
IN DEN ARENGEN DER URKUNDEN.

Wiener byzantinistische Studien, Bd. I. Wien, 1964, S. 260.

Казалось бы, только причуда рецензента могла объединить две эти книги, основанные на совершенно разнохарактерных источниках. Действительно, книга шведского филолога Густава Карлссона — публикация с переводом и обширным комментарием отдельных памятников византийской эпистографии X в. на базе нескольких рукописей, главным образом известного Патмосского манускрипта № 706¹; используя эти новые тексты, Карлссон стремится дать общую характеристику византийского эпистографического жанра. В книге австрийского ученого Герберта Хунгера анализируются преамбулы императорских указов — от государей эпохи принципата (Нерва, Адриан, Каракалла) до последнего правителя Византии — Константина XI (XII)²; новый рукописный материал — формулы преамбул по рукописи Palatinus gr. 356 — не составляет главного источника книги и приведен (с немецким переводом) в приложении (стр. 217—245). Разные хронологические рамки, разные источники, разная структура — что же общего между этими книгами?

В очень интересном введении к своей работе Хунгер пишет о том, что исследователи XIX в. с пренебрежением относились к императорским преамбулам, ставя им в упрек отсутствие реального содержания и графаретность выражений. Напротив, люди XX столетия понимают, что графаретные формулы канцелярского языка — не просто недостаток вкуса, но специфическая манера выразить свои идеи, особая форма пропаганды (стр. 15). Классификация этих формул, обычно не связанных с содержанием документа, приобретающих самостоятельное бытие (стр. 212), и должна, по мнению Хунгера, дать представление об официальной византийской идеологии императорской власти. Устойчивые штампы составляли, согласно его словам, «элементы идеи императорской власти», куда входило учение о божественности василевса³, о его постоянной заботе о подданных, о его справедливости, человеколюбии и т. п. То, что казалось К. Крумбахеру и его современникам бессодержательным, на самом деле оказывается определенной системой взглядов, рассчитанной на то, чтобы внушать подданным соответствующие суждения, — я бы сказал, в определенным элементом византийской общественной психологии.

И именно этот внутренний смысл книги Хунгера — стремление обнаружить общественный смысл графаретных, повторяющихся формул — роднит ее с работой шведского исследователя. Карлссон также начинает с того, что констатирует «деконкретизацию» письма (стр. 14 сл.), освобождение эпистографического жанра от реального, конкретного содержания; он прослеживает, как в абстрактных формулах посланий выражается целостная «теория дружбы» (стр. 21 сл.), понимаемой как мистическое единство корреспондентов (стр. 59 сл.), преодолевающее пространство и время. И подобно религиозной мистике, мистика византийской дружбы находит свою словесную реализацию в терминах, связанных с сексуальным влечением, с «любовной магией» (стр. 99 сл.).

Следовательно, опять-таки то, что на первый взгляд кажется бессодержательным набором повторяющихся формул, выражает общественную психологию, коллективные представления. «Деконкретизация» письма — не результат творческого бесплодия и даже не следствие того, что конкретные сведения надлежало сообщить посланцу, «одушевленному письму» (стр. 17); в этом обстоятельстве выражается общая тенден-

¹ Уже в 1960 г. письма X в. из Патмосского кодекса и Лаврской рукописи Ω 126 были изданы почти полностью: J. Darrouzès. *Epistoliers byzantins du Xe siècle*. Paris, 1960. Все письма, издаваемые Карлссоном заново, — кроме послания Феодора Дафнопата (стр. 117 сл.) — опубликованы Даррузесом (II, 111; V, 12, 14, 17, 21, 23; VIII, 17; IX, 19, 41, 44). Неизданное письмо Михаила Италика Продрому, о котором Карлссон говорит на стр. 66, ныне уже издано целиком: R. Brown in g. *Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos*. — «Byzantinobulgarica», 1, 1962, p. 283—286.

² Следуя за Б. Зиноговицем, Хунгер называет этого государя Константином XII (стр. 27) — однако правомерность гипотезы Зиноговица теперь ставится под сомнение: см. J. П а п а д р и а н о с. Да ли је Константин Ласкарис био византијски цар? — ЗРВИ 9, 1966, 217—221.

³ Очень интересно вместе с тем наблюдение Хунгера (стр. 154), что эпитет «спаситель» никогда в преамбулах не прилагается к императору. Однако, пересказывая грамоту Андроника I, Никита Хониат употребляет формулу «спаситель ромеев» (N ic. Ch o n ., p. 437. 14. Ср. еще p. 299. 7—8, 456. 21, 492. 14—15). Уже после завершения этой рецензии вышло в свет дополнение к книге Хунгера: R. B r o w n i n g. *Notes on Byzantine Prooimia*. Wien, 1966.

ция эпохи — стремление к максимальному обобщению, к отсечению подвижного и изменчивого, к передаче самого главного — Идеи как отражения божества ⁴.

Таким образом, значение обеих книг состоит в приложении к византиноведческому материалу нового принципа исследования — принципа социальной психологии. При этом, однако, любопытно, что ни тот, ни другой автор не упоминают о социальной психологии, и не исключено, что они вступают на этот путь интуитивно, а не во вооружении теоретической подготовки.

Социальная психология — сравнительно новая дисциплина, а ее приложение к византистике еще только появляется на свет. Неудивительно, что обеим работам оказалась присуща одна погрешность, одинаковая односторонность. Дело заключается вот в чем. Социальная психология изучает действительность в разных аспектах. Традиционные коллективные представления, стойкие черты психического склада — один из существенных ее аспектов, и для византиноведения он является особенно важным. Иллюзия неизменности, создаваемая византийской пропагандой (если пользоваться термином Хунгера), была мощным средством общественного воздействия; она выражалась, кстати сказать, не только в формулах преамбул, но и в теории «избранного народа», в идее «ойкумены» как сферы власти василевса, в иллюзии применимости римского права к византийской действительности, в сохранении архаичных этикетов и социальной терминологии. Именно эту сторону — традиционную общественные представления — подчеркивают и Хунгер, и Карлссон. Формуляр императорских грамот — в изображении Хунгера неизменен, восходит к терминологии античной Греции; и Карлссон также свободно выходит за пределы X столетия, публикуя то письмо Игнатия Дякона (стр. 125 сл.), то даже папирус VI в. (стр. 85 сл.) и привлекая для сопоставлений совершенно разновременные памятники.

Но устойчивые представления — лишь одна сторона проблемы. Общественная психология людей и традиционна, и вместе с тем подвижна, изменчива, подвержена сдвигам. Консервативность византийского образа мышления, повторю еще раз, — не столько реальность, сколько элемент официальной пропаганды, имеющий особую социальную функцию. Обращая внимание только на традиционность общественной психики, Хунгер и Карлссон абсолютизируют одну сторону общественной психологии — в ущерб другой, более скрытой, менее явной.

Изменение общественной психики может протекать двояко. Во-первых, могут меняться в определенных общественных условиях сами устойчивые формулы. Любопытный пример представляет хотя бы термин *τριάδος* — триумфатор, привнесенный Хунгером (стр. 73—75): как показал М. Бенеманский, этот эпитет был характерен для официальной терминологии начала царствования Василия I, но в конце его правления, после ряда внешнеполитических неудач, уступил место иным эпитетам, подчеркивающим миротворчество василевса ⁵. Формулы, таким образом, менялись в зависимости от политической ситуации. Отказ Хунгера от учета функции времени в классификации огромного собранного им материала лишает исследователя возможности проследить *эволюцию* формул: в какую эпоху какие элементы идеи императорской власти преобладали? Тот ли самый набор элементов был свойствен Комнинам, что и императорам Македонской династии? Случайно ли то обстоятельство, что вечность империи подчеркивается в новеллах Юстиниана I (стр. 62 сл.), но более поздних примеров этой формулы Хунгер не приводит? Вопросы эти заслуживают изучения.

То же самое можно сказать и об эпистолографии. Дело не только в том, что понятие дружбы не было в Византии единообразным ⁶ и что некоторые писатели (Симеон Богослов, Кекавмен) относились к дружбе с настороженной враждебностью (это — особая тема) — но самая «деконкретизация» письма не оставалась абсолютной. Послания Феофилакта Эфеста, Михаила Хониата, Григория Антиоха подчас весьма содержательны, полны конкретных деталей. Изменение эпистолографии как жанра в XII в., по-видимому, было совершившимся фактом, и вполне возможно, что начало этого процесса мы должны относить к более раннему времени — к периоду деятельности Пселла и даже Николая Мистика (не странно ли, что этот крупнейший эпистолограф X в. даже не упомянут в книге Карлссона?).

Во-вторых, может изменяться функциональное значение традиционных формул. Однако, чтобы уловить это изменение, метод Хунгера и Карлссона, метод изучения формул как таковых, их материального (догматического) содержания, оказывается недейственным. Функциональное значение традиционных формул может быть обнаружено только при структурном анализе, т. е. при всестороннем анализе общественного организма на конкретном отрезке времени. Иными словами, одна из задач состоит в том, чтобы уловить, какими были общественные противоречия различных слоев населения империи в их собственном понимании. Какие формы пропаганды, какие

⁴ Тот же принцип «деконкретизации» свойствен и византийскому роману (см. С. В. Полякова. Из истории византийской любовной прозы, в кн.: «Византийская любовная проза», М., 1965, стр. 126 сл.) и византийской живописи.

⁵ М. Бенеманский. «Ο τριάρχης υμνος императора Василия Македонянина. Сергиев Посад, 1906, стр. 49 сл.

⁶ См. К. Тгеу. Φιλία и ἀγάπη. Zur Terminologie der Freundschaft bei Basilios und Gregor von Nazianz. — «Studii clasice», 3, 1961, S. 421—427.

идеологические направления сталкивались между собой в конкретных исторических условиях? Что противостояло, скажем, идее дружбы или идее божественности василевса? Изучение функционального смысла устойчивых формул неминуемо подводит к вопросу об общественной борьбе.

Таковы одни из многих проблем, которые встают при чтении книг Хунгера и Карлсона — первых опытов исследования византийской общественной психологии.

А. К.

V. LAURENT. LE CORPUS DES SCEAUX DE L'EMPIRE BYZANTIN, t. V:
L'ÉGLISE, I: L'ÉGLISE DE CONSTANTINOPLE, A: HIÉRARCHIE.
Paris, 1963 (1964), pp. LI+805.

Начал выходить свод византийских печатей. Первым появился том, посвященный Константинопольской патриархии.

Вряд ли нужно специально подчеркивать значение, какое имеют византийские моливдовулы (вислые свинцовые печати) как источник для изучения экономической, административной и даже политической истории. Сравнительно недавно, например, французская исследовательница Э. Антониади-Бибику привлекла печати для восстановления истории византийских таможен и, следовательно, торговли¹; именно печати являются важнейшим источником для выяснения отношений Византии с Тмутараканью²; этот список легко можно продолжить.

В рассматриваемом томе описано 1013 типов печатей V—XV вв. Издатель, В. Лоран, разделяет их на следующие группы: печати константинопольских патриархов, печати чинов патриаршей канцелярии, печати патриарших придворных (кувуклисии, синкелы, ипертимы, экзархи), печати митрополитов, их суффраганов и чинов епископальных канцелярий, печати автокефальных архиепископов. В особом приложении собраны греческие печати епископата византийской Италии.

В конце тома опубликован проспект всего Свода печатей, который позволю себе воспроизвести здесь (в сокращенном виде):

- т. I: Императорский дворец (с приложением: Трапезундская империя, Солунская империя и другие суверенные государства, возникшие на территории Византии);
- т. II: Центральная администрация и столица;
- т. III: Провинциальная администрация;
- т. IV: Византийская Африка;
- т. V: Византийская церковь [уже после сдачи рецензии в печать вышла вторая часть тома, которая охватывает: а) церкви и монастыри Константинопольской патриархии; б) автономные церкви Кипра и Болгарии; в) восточные патриархии: Александрия, Антиохия и Иерусалим];
- т. VI: Разные печати.

Помимо описания отдельных типов печатей с комментарием (датировка, сведения о собственнике моливдовула, литература), книга содержит общую характеристику патриаршего и епископского моливдовула: рассматриваются вопросы иконографии (стр. XIX сл., XXXIV сл.), эволюция патриаршего титула (стр. XVI сл.), тесно связанная, надо сказать, с историей церкви, вопрос о соотношении титулов архиепископа и митрополита (стр. XXVIII сл.) и ряд других.

Значительное число печатей публикуется впервые: так, только среди патриарших печатей — №№ 3, 4, 10, 19 бис, 24, 25 бис, 30, 38, 39. Ряд печатей переатрибуирован: так, печать № 1, приписывавшаяся Евтихию Александрийскому (X в.), оказалась принадлежащей константинопольскому патриарху того же имени, жившему в VI в. (ср. №№ 21, 22, 775 и др.). Во многих случаях издатель исправляет старое чтение, в том числе имена и географические названия (напр. №№ 248, 255, 546, 639).

Ряд изданных в рецензируемом томе печатей принадлежал видным политическим

¹ Н. Antoniadis Bibico. Recherches sur les Douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 164 sq. П. Лемерль в рецензии на эту книгу («Rev. hist.», 232, 1964, p. 230) отмечает предвзятый характер выводов Антониади-Бибику, поскольку она не использовала материал, собранный (но не опубликованный еще!) Лораном. Упрек этот справедлив лишь относительно: конечно, публикация Лорана заставит пересмотреть отдельные заключения Антониади-Бибику — но если бы мы вообще стали ждать завершения всех критических публикаций, разработка византиноведческих проблем приостановилась бы. Я постараюсь показать ниже, что, используя Лоран некоторые неопубликованные письменные источники, он избежал бы кое-каких неточностей в комментарии — но я все же хотел бы, чтобы он ждал с комментарием, пока эти памятники будут изданы! Почему-то к исследователям, использующим археологические, нумизматические или сфрагистические материалы, часто прилагают требования такой полноты, которое не встает при изучении письменных памятников.

² См., напр., А. Л. Моногайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в. — «Проблемы общественно-политической истории России». М., 1963, стр. 54 и сл.